

Она умна, талантлива, знаменита на всю страну с детства: папой и своей Ассолью в фильме "Алые паруса". Но, разговаривая с ней, невозможно не думать: "Господи, ну до чего же она красива, до чего красива, фантастически красива, это ж с ума сойти!". Она настолько красива, что это даже несколько странно - говорить с Вертинской о красоте, все равно что спрашивать у солнца: отчего оно утром встает, вечером - садится, и не утомительно ли это - светить целый день?.. Что может ответить на это солнце?.. Плечами пожать?..

- Анастасия Александровна, почему вы в такую жару, летом - в Москве? Все отсюда в это время уезжают...

- А я возвращаюсь. По-моему, это единственные три месяца в году, когда тут можно жить. Летом я никогда из Москвы не уезжала на юг. Теперь я летом сюда приезжаю из Парижа.

- Вы там отвлекаете от Москвы?

- Нет, я никогда не отвлекаю. Я тоскую. И я здесь выздоравливаю. Если у меня, например, насморк или болит голова, то я даже знаю, где именно я начну выздоравливать. Помните этот виадук в Шереметьевском аэропорту?.. Вот когда машина из него выезжает и начинаются деревья, я начинаю приходить в себя. И когда пересекаю порог дома, то уже совершенно здорова. Несмотря на всю нашу экологию, несмотря на то, что мой дом находится на Садовом кольце, от которого спасу нет никакого, несмотря на то, что у меня астма, и я объективно понимаю, что воздух в Париже лучше. Это все не имеет значения на самом деле... Многие считают, что уехать туда жить очень просто. А я моментально, через неделю буквально впадаю в фазу эмиграции. И живу с единственным чувством: взять бы это все, вместе с Эйфелевой башней, мостом Александра III и "Комеди Франсез", - и перевезти домой... Все время хочется что-нибудь прижить к России.

- Что там по-другому?

- Все. Даже дождь другой, потому что падает на другие дома. Я часто ловлю себя на ощущениях, что у меня там совершенно отрешенное выражение лица. Такое... дебильно-счастливое. Как будто мне сделали лоботомию. Я сижу в кафе, просто сижу в кафе, и мимо меня проходит парижанка с вот такой вот крошечной собачкой, собачка писает, все кафе смотрит, как она писает... И в этом абсолютном ничегонеделанье отдыхает мозг. Мы так не умеем. Мы делим себя между работой, делами и домом. И еще там в толпе почему-то

виноват за эти годы эмиграции перед родиной, как будто хотел замолить какой-то грех. Мы его видели очень мало. Поэтому каждый его приезд - это был колоссальный праздник. Готовились все, готовилась бабушка, мама, вымывалось все тщательно, все блестело, пеклись пироги, созывались гости - это был каждый раз некалендарный праздник, когда он приезжал. И естественно, в те несколько дней, которые он проводил дома, никто не собирался его огорчать ни нашими с Марианной двойками, ни нашим поведением. Хотя он знал, что я училась на "два". И очень радовался, потому что сам так

и закончилась эпоха великих режиссеров. Если эгоистически смотреть на нашу профессию, это ведь невероятное наслаждение - работать с талантливым режиссером. В общем, ради этого только и живешь... Я считаю Эфроса гением. Эфрос умер. Больше, по-моему, гениев нет. Мне не хочется говорить дурных слов про наш театр... Дай Бог ему жизни, но это как бы... был бег на месте. Собственно говоря, во имя чего? Если во имя зарплат, то те деньги, которые в театре платили тогда, да и которые теперь платят, - это не деньги. Во имя коллектива? Ведь единственная идея, на которой

- Он лежит в сейфе у продюсеров. Если разбирать горизонтальные причины, то в том варианте, в котором он смонтирован, его в прокат пускать и нельзя. Там весь роман отснят и сплюснут до необходимых часа пятидесяти. А если подойти более серьезно, то вопрос: "Почему фильм не вышел?" - это вопрос к Михаилу Афанасьевичу Булгакову.

- Мессир не выносит экранизаций?

- Мессир не выносит и театральных постановок. Какие удачные, назовите? Это фильм, после которого я до сих пор пока не снималась. И я хочу предложить через вашу газету - можно? Константину Эрнсту, к которому нелегко попасть на прием, и в его лице всему первому каналу ТВ, - выкупить отснятый материал, перемонтировать его и сделать сериал для телевидения.

- Если вы последние несколько лет не снимаетесь в кино, и вам неинтересно играть в театре, то - что и кто вас сегодня интересует?

- Люди. Человек, личность. Мне всегда это было интересно. Я же сказала: я еще в детстве любила копаться... в себе. И до сих пор люблю. И я думаю, что если человек за свою жизнь не пересматривает кардинально самого себя как минимум раз пять или шесть, он не состоялся. И другая личность - это самое интересное, что есть на свете.

- Поэтому вы делаете теперь на телевидении свою авторскую программу "Другие берега", где ваши герои, будь то женщина-тореодор, или католический священник Жак Гайо, или кто-нибудь еще - не звезды, а просто уникальные люди?

- Поэтому, конечно. Хотя идея родилась, как всегда по-русски, в дружеском трепе. Мне предложили делать передачу о театре. Блуждать по театрам и произносить что-то типа "буль-буль-буль" на театральные темы. Я сказала, что мне это совершенно неинтересно. И если бы я делала передачу, то прежде всего - о личности. Чтобы люди увидели, что есть не только попытки отгадать четвертую букву в слове "мама", но и другие берега... создания.

- Личность и человек - это синонимы? Любимый человек - личность?

- Нет, не любимой. Вовсе! Это какое-то странное дилетантское убеждение наших гуманистов. Я убеждена, что скоро наука докажет: есть люди и есть - нелюди. Возможно, это заметно на генном уровне. И когда, скажем, судят маньяка-убийцу, которому хочется съесть чьи-то почки, то мне ясно видно: это что-то другое, не "гомо сапиенс", и к нему нельзя применять законы человеческие... На эту мысль меня, кстати, натолкнула какая-то наша программа, в которой шла дискуссия о смертной казни. Корреспондент пытался вытрясти из ученого, что это очень негуманно. И ученый наконец сказал: "Ну что же тут непонятного, есть люди и есть - нелюди. Неужели вы это не видите?!" Я бы поставила знак равенства не между личностью и человеком, а между личностью и талантом.

- Если человек рождается талантливым - это счастье?

- Счастье. И несчастье. Это в любом случае испытание для человека, тяжелейшее... Ты сразуходишь в такие сложные взаимоотношения с

людьми, тебя могут понимать, не сразу понимать, не хотят понимать, могут никогда не понять, ты так и умрешь, тебя признают потом, или, наоборот, признают сейчас, потом - распнут... Это тяжело. Но, как правило, если Бог дает человеку талант, то он этот талант оберегает. Потому что талант требует... охранной грамоты. Это так должно быть. А - не всегда бывает. В жизни вообще нет универсальной формулы. Она такая хитрая чертовка: только ты приземлишься и скажешь: "Вот ведь действительно, дважды два - четыре", - как раз выясняется, что это - пять.

Яна ЗУБЦОВА

Анастасия Вертинская:

«Мечтаю перевезти

Эйфелеву башню в Москву»

Аргументы и факты, 1997, - № 31 - с. 3.

же учился. Считал, что я

- в него.

- "Два" у вас было по

всем предметам?

- Да... кроме пения.

- А по литературе?

- Не было литературы в школе. Было чтение. И еще какое-то безобразие. Но у папы была огромная библиотека, и я все время просиживала за его книгами. Видимо, потому и получала "двойки".

- И так до десятого класса?

- Я не помню толком, где я его заканчивала... Я отстала по программе из-за съемок и ушла в школу рабочей молодежи. А там было просто: ты давала автограф на своей фотографии, и тебе в дневнике соответственно тоже ставили автограф. Бабушка была страшно потрясена: для нее пойти в ШРМ было равносильно тому, чтобы выйти на панель... А в Театральном училище имени Щукина у меня уже диплом был с отличием.

- У вас даже мысли не было, что вы не станете актрисой?

- Ну как... В раннем детстве, совсем в младенчестве, я хотела стать балериной Улановой. Но меня не приняли. Сказали: "Хотите, Александр Николаевич, мы ее по блату возьмем, поскольку вы - Вертинский. Но хорошего ее ничего не ожидает. Она у вас будет крупной девочкой". "Крупная девочка" - это было как диагноз. Потом я хотела быть хирургом. Вообще я люблю копаться... Во всем. И мне казалось, что хирург - это та самая профессия, когда разрезают и долго копаются... И еще, знаете, хотела стать Зоей Космодемьянской. У меня есть некоторые ее черты. Например, если меня просят о чем-то не рассказывать, я никогда не говорю. В детстве я ходила такая гордая, что я-то знаю, а никто не знает... И до сих пор у меня есть несколько таких тайн... Но это все глупости, конечно, я с 15 лет актриса, с 16 стою на сцене, и я была фанатом этой профессии. Для меня моя профессия была доктором от всех болезней. Все, что со мной случалось в личной жизни, я, как на алтарь, несла в искусство. Оно меня выручало, спасало, помогало... И это была самая тесная личная связь в жизни - связь с театром, потому что туда я могла отдать все... И в один прекрасный момент меня развернуло и катапультировало от этого театра.

- Почему?

- Я не знаю, почему. То есть, если я долго буду объяснять, я сама себя, конечно, объясню... Это было как раз, когда началась наша перестройка... В каком году она началась? Я никогда не помню дат. Началась перестройка,

нас воспитывали, была идея коллектива. Если ты ехал в троллейбусе, ты был членом коллектива троллейбуса, если ты служил в театре - членом коллектива театра. Но театр - это не коллектив, это ложное понятие. Спектакль - коллектив, да, но жить с этим коллективом всю жизнь, приходить на их собрания, решать их дела, которые на самом деле все решаются другим путем... Это же страшно! Все это взорвало меня изнутри, я готова была делать все что угодно, только сама по себе. И хотя у меня не было ни контракта с Францией, ни приглашения что-то делать в Оксфорде, я была, если уж на то пошло, совершенно лишена реальной перспектив, - все равно я эту свободу ощутила как некую новую жизнь.

- Не было страшно?

- Никогда. Мне не бывает страшно за себя. У меня, к сожалению даже, нет никаких тормозов. Я боюсь только за очень узкий, очень близкий круг

свой... Итак, Оксфорд, далее мы стали с Калыгиным преподавать в Швейцарии, в Европейской кинематографической школе, а потом Франция. Все это произошло... как подарок судьбы. Наконец-то я поняла, что можно жить и не беспокоиться, что какое-то время тебя никто не увидит на сцене, на экране, вообще не увидит. И ничего страшного. Это вечное, изматывающее актерское беспокойство наконец оставило меня.

- Вашу последнюю роль в кино - Маргариту в фильме Юрия Кары "Мастер и Маргарита" - никто так до сих пор не увидел. Что, в конце концов, с фильмом, где он?

Убеждена, что скоро наука докажет: есть люди и есть нелюди.

Я бы поставила знак равенства не между личностью и человеком, а между личностью и талантом.

Я бы поставила знак равенства не между личностью и человеком, а между личностью и талантом.

- Вы искали в Париже дома, где жил ваш отец?

- Да, искала. Ходила по тем же улицам... Конечно, там нет никаких следов. Как, впрочем, и здесь нет никаких мемориальных досок. Но Парижу я это легче могу простить. Единственный след - что я там хожу и понимаю, что я хочу домой, в Россию...

- Сейчас вы воспринимаете отца как взрослого человека - другого взрослого человека. А тогда, в детстве, каким он был для вас?

- Он редко бывал дома. Он гастролировал. Без конца зарабатывал деньги. Пел, пел, пел, не давая себе никакого отдыха, пел, как машина, ни от чего не отказываясь, давал огромное количество благотворительных концертов, уставал, ему было тяжело, это был человек уже в возрасте... Но все равно шел и пел. Как будто он был сильно